

Аннотация

Взгляд на человечество со стороны инопланетного существа, воспринимающего все буквально. Он изучает нашу цивилизацию по фильмам, компьютерным играм, не понимая разницы между суровой реальностью и вымышленными мирами.

**Андрей Ливадный
Посол**

Глава 1

На столе лежал нож.

Кровь растеклась липкой, сладко пахнущей лужицей по доске, на которой резали хлеб и овощи. Рядом стояла сахарница, в которую до

половины был насыпан растворимый кофе. Сахар же оказался подле, в незамысловатой металлической вазочке для мороженого.

Мороженого поблизости не было. Зато присутствовал термос с горячей водой для приготовления кофе.

Лужица крови объединяла все эти предметы.

Как порой непоследовательны бывают люди... Что им стоит хранить кофе в сахарнице? Мелочь?

Нет, для Шаньгу это не являлось мелочью.

Живший тут человек презирал правила. Нарушая их в малом, он мог нарушить их и в большом. Индивидуальность — вот чем, помимо крови, пахивал этот натюрморт.

Для Шаньгу нет ничего хуже и роднее индивидуальности.

Исследовать душу умершего

насильственной смертью – это было бы занятно. Умирая, человек отчетливо мыслил, и перед Шаньгу пронеслась вся его жизнь. Да, забавно было бы разобраться, например, почему он продал за известную сумму свое понятие о совести, когда последняя перестала быть ему необходима? Как можно взять на себя обязательства, долгое время соблюдать их, а потом просто отказаться от долгов, выбросив ощущение совести, словно отслуживший хитин?

Непонятно.

Когда Шаньгу вошел, этот человек лежал в сухой ванне. Из-за ржавой трубы торчали его ноги. Человек лежал, глядя в потолок, и его глаза были большими, остекленевшими, но он дышал.

Шаньгу хотел помочь ему, ободрить, но человек визгливо

вскрикнул, увидев приближающегося к нему по длинному тускло освещенному коридору инсектоида. Его тело выметнулось из пустой ванны, глаза оставались остекленевшими, только вот зрачки расползлись в них, почти совсем поглотив белок.

С криком человек пробежал по коридору. Шаньгу, заинтригованный таким поведением, прошел за ним, очутившись в этой грязной, убого обставленной комнате. Человек перевернул часть мебели, схватил со стола большой тускло поблескивающий нож и стал махать им перед собой, что-то крича.

Органы восприятия Шаньгу еще не совсем адекватно воспринимали звук человеческой речи. Однако по угрожающей позе существа и его интонациям, а также по голубоватым сверкающим росчеркам, которыми его

рука с ножом кроила спертый, душный воздух помещения, нетрудно было понять – существо напугано и хочет кого-то убить.

Шаньгу оглянулся, пытаюсь понять, что же так напугало это странное, эксцентричное существо, и в следующий миг он едва не лишился своих жвал вместе с изрядной частью головы – свистящая сталь полоснула воздух так близко, что покрывающие хитин осязательные волоски болезненно шевельнулись. Шаньгу отпрянул.

Разве эта особь из человеческого муравейника не связана общей клятвой с остальной частью своего сообщества? Зачем хозяин жилища машет куском стали перед глазами и жвалами, если его муравейник обнародовал закон о Правах Разумных Существ, где они объявили, что никто не должен

причинять зла и выказывать свое неуважение существам иных негуманоидных рас?

Теперь, глядя на лужицу крови и кофе, который был насыпан в сахарницу, Шаньгу понял, что неправильно оценивал этих существ. Они были индивидами, каждый сам себе закон.

«Печально... – подумал он, глядя на труп, чьи глаза теперь остекленели по-настоящему. – Я только защищался».

* * *

Нужно сказать, что Шаньгу здорово не повезло, но он пока что даже не подозревал об этом.

Его невезение основывалось на трех обстоятельствах: во-первых, он плохо владел своим телом, которое

«надевал» очень редко и воспринимал приблизительно так же, как боевой генерал воспринимает парадный мундир с жестким стоячим воротничком, во-вторых, он не очень-то представлял, что люди смертны, — в словаре Шаньгу не имелось адекватного аналога понятию «смерть», а в-третьих, система гиперпространственной транспортировки забросила его в случайно избранное место на поверхности планеты, где полномочного посла космической державы, естественно, никто не встречал.

Приоткрыв двери квартиры, куда забросило его злое провидение, Шаньгу оказался в грязном, тускло освещенном коридоре.

«Что за странные реальности они содержат на своих носителях?» — с

отвращением подумал он, втягивая через дыхательные отверстия душный, дурно пахнувший воздух.

Но, делать нечего, приходилось мириться и со странной обстановкой, и с превратностями дальних путешествий.

Шаньгу уже не в первый раз осуществлял подобные миссии и знал, что результатом его усилий станут удобные и безопасные транспортно-информационные каналы, которые соединят всех Шаньгу со своими новыми братьями по разуму. Именно с таким заданием он покинул свою уютную нору и влез в это старое, неудобное и неуклюжее парадное тело.

Коридор, по которому он шел, семеня на четырех лапах, оканчивался такой же грязной, обшарпанной лестничной клеткой. Здесь, опираясь на ржавые перила, стояли двое человек,

пуская из своих дыхательных отверстий сизый, удушливый дым.

Заинтригованный Шаньгу остановился.

Один людь указал в его сторону дымящейся палочкой, которая была зажата между пальцами в его передней конечности. Шаньгу был телепатом, и поэтому без труда мог воспринимать как человеческую речь, так и некоторые, особенно ярко направленные в его сторону мысли. Он знал, что правила дипломатического этикета обязывают посланца придерживаться установленных на той или иной планете норм поведения, — поэтому он поджал две из четырех опорных лап, выпрямился, не очень уверенно балансируя на оставшихся конечностях и...

— Смотри, Вась... Ни хера себе таракан! — просипел один людь, тыча в

его сторону дымящейся палочкой.

Шаньгу «услышал» так же его мысль:

Уйди, глюк поганый...

ГЛЮК – это, наверное, почетное звание посла, рассудил про себя Шаньгу, стараясь покрепче запомнить новое слово в преддверии предстоящих ему переговоров с руководством этих агрессивных существ.

Интересно, отчего они так любят носить свои тела? Что же такого интересного в первой реальности, чтобы проводить тут столько времени?

Этого Шаньгу, откровенно говоря, не понимал. Первая, или, как еще ее называли – незыблемая, реальность была, по его мнению, очень неудобна. Во-первых, она не зря называлась незыблемой. Чтобы выкопать себе нору в первой реальности, нужно было надевать свое тело, а потом долго и

нудно рыть землю отвыкшими от физической работы конечностями. В глаза и дыхательные горла при этом, естественно, летели песок, пыль и прочая дрянь. Да и лежать в выкопанной норе — сплошные неудобства. Нет, в мире Шаньгу в первую реальность, где над всем властвовали физические законы, «ходили» одни садомазохисты. Шаньгу же был существом тонким, нежным, избалованным. Он предпочитал вторую реальность, где достаточно было мысли, чтобы нора выкапывалась сама по себе, прямо на глазах, без пота и пыли. Да и влезать в нее одно удовольствие — сразу изгибается, пульсирует, принимая формы твоего тела, мягко обволакивает со всех сторон, и засыпаешь, засыпаешь в нежном блаженстве, но...

Шаньгу понял, что размечтался и

отвлёкся, а диалог двух человек тем временем продолжался.

– Слушай, какая-то дурная эта трава... – произнес первый людь, тот самый, что постоянно махал дымящейся палочкой.

– Угу, – согласно кивнул второй. – Уроды всякие мерещатся. Вон тараканище стоит, метра два в нем, наверное, расту-то... Никогда таких не видел.

– Что, и ты его видишь? – неподдельно изумился первый. – А я-то думал, что он мой глюк!..

«Делят они меня, что ли?» – обеспокоенно подумал Шаньгу, морально готовя себя к началу ритуальной церемонии. Теперь он уже не сомневался, что термин «глюк» обозначает конкретно его персону и звучит крайне уважительно. Перед отправкой на эту планету он изучил не

только язык человекoв, но и некоторые особенно характерные интонации их голоса. Так вот, эти голоса звучали именно уважительно, даже немного испуганно. Очевидно, глюков они побаивались.

«Ну, ладно, пора начинать, а то человеки, вероятно, заждались».

Подумав так, Шаньгу издал самый грозный скрежет, на который оказались способны его жвала, и с должным уважительным рвением выхватил окровавленный уже нож. Обнажив это ритуальное оружие человекoв, он кинулся на них, мысленно наметив, что сначала отрежет голову первому (из соображений личной приязни), а уж потом займется вторым. Шаньгу не особенно четко представлял, что означает расхожее выражение «выпустить кишки», но полагал, что сумеет справиться и с этой не

отрепетированной заранее задачей.
Все-таки опыт общения с чужими
расами был у него немалый.